RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 642–656**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-642-656
EDN: KEZNFD

Научная статья / Research article

Цена «зеленого лидерства»: экологические приоритеты и социально-экономические вызовы в аграрной политике Новой Зеландии

Т.И. Хайнацкая

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, *Москва, Российская Федерация*

✉ tatianakh@imemo.ru

Аннотация. Сегодня экологический курс Новой Зеландии стал полем политической конкуренции, где определяются приоритеты общественного развития, распределяются издержки преобразований и происходит борьба за доступ различных групп к процессу принятия политических решений. Наиболее остро эти противоречия проявляются в аграрной политике, где сталкиваются интересы правительства, политических партий, фермерских ассоциаций, крупных агропромышленных компаний, экологических движений, профсоюзов и коренных народов. Каждая из групп стремится закрепить собственное понимание допустимого соотношения между климатическими обязательствами, экономическими выгодами, обеспечением социальной поддержки сельских территорий и правами на землю и природные ресурсы. Несмотря на репутацию «чистой и зеленой» страны, Новая Зеландия сталкивается с ростом внутренних дисбалансов: экологические стандарты усиливают нагрузку на малые фермерские хозяйства, способствуют концентрации капитала в крупных бизнес-компаниях и углублению социального неравенства в сельских регионах, а доступ к процессам принятия политических решений остается неравномерным. В результате экологическая политика представляется как подвижный политический компромисс. Методологическую основу исследования составляют концепция политического компромисса, кейс-стади и анализ групп интересов. Такой подход позволяет выявить границы применимости зеленого курса как инструмента экономического и социального регулирования, стейкхолдеров и их интересы, институциональные механизмы балансирования этих интересов. Реализуемая политика сочетает элементы компромисса и адаптации, когда идеалы экологического лидерства и экономического роста достигаются ценой социальных уступок. Опыт Новой Зеландии демонстрирует, что «зеленая трансформация» требует технологических, идейно-концептуальных решений, связанных с переосмыслением принципов экономического развития, а также эффективного политического согласования интересов, обеспечивающего справедливое распределение издержек и выгод между различными акторами, регионами и культурными сообществами.

© Хайнацкая Т.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: экологические приоритеты, зеленая повестка, Новая Зеландия, сельскохозяйственная политика, устойчивое развитие, «пончиковая» экономика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Хайнацкая Т.И.* Цена «зеленого лидерства»: экологические приоритеты и социально-экономические вызовы в аграрной политике Новой Зеландии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 642–656. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-642-656 EDN: KEZNFD

The Price of Green Leadership: Environmental Priorities and Socio-Economic Challenges in New Zealand's Agricultural Policy

Tatiana I. Khaynatskaya

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ tatianakh@imemo.ru

Abstract. New Zealand's environmental agenda has become an arena of political contestation in which development priorities, the distribution of transition costs, and access to public decision-making are negotiated and challenged. These tensions are particularly visible in agricultural policy, where the interests of the government, political parties, farmers' associations, major agribusiness companies, environmental movements, trade unions, and Māori communities intersect. Each group advances its own understanding of the acceptable balance between climate commitments, economic benefits, support for rural areas, and rights to land and natural resources. Despite its "clean and green" reputation, New Zealand faces growing internal imbalances: environmental standards place greater pressure on small farms, contribute to capital concentration in large companies, and deepen social inequality in rural regions, while access to political decision-making remains uneven. Environmental policy therefore emerges as a fluid political compromise shaped by asymmetries of power, unequal resources, competing interests, and shifts in governing coalitions. Methodologically, the study combines the concept of political compromise, a case-study approach, and interest group analysis. This framework makes it possible to identify the principal stakeholders, their resources and strategies, and the institutional mechanisms through which interests are represented, negotiated, and balanced. The policy pursued combines compromise and adaptation, as environmental leadership and economic growth are often achieved at the cost of social concessions. The New Zealand case demonstrates that green transformation requires not only technological innovation and a rethinking of economic development, but also effective political coordination capable of ensuring a fair distribution of costs and benefits among different actors, regions, and cultural communities.

Keywords: environmental priorities, green agenda, New Zealand, agricultural policy, sustainable development, doughnut economics

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Khaynatskaya, T.I. (2026). The price of green leadership: Environmental priorities and socio-economic challenges in New Zealand's agricultural policy. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 642–656. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-642-656 EDN: KEZNFD

Введение

Уже прошло почти 40 лет после представления комиссией Брундтланд доклада «Наше общее будущее»[1], где были обозначены основные проблемы общественного развития, возможные пути их решения и новые ориентиры устойчивого развития (УР)[2]. В дальнейшем эти идеи легли в основу Целей развития тысячелетия до 2015 г.[3] и Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН[4] до 2030 г. При этом уже сегодня ставится под сомнение возможность полного достижения этих целей. Отмечается, что они противоречат друг другу и мешают реализации других приоритетных направлений развития [Gupta 2017: 4–5]. Например, ведутся дискуссии о проблеме баланса между сохранением окружающей среды и улучшением качества жизни людей в развивающихся странах [Hunjra et al. 2024] или о достижении высоких экономических показателей без критического уровня потребления ресурсов и за счет инноваций, в том числе зеленых [Aghion et al. 2021: 186–187]. Доклад, представленный Экономическим и Социальным Советом ООН, о прогрессе в достижении ЦУР рисует достаточно мрачную картину[5] — по всем 17 ЦУР наблюдается отставание от намеченных ориентиров. Западные государства имеют более значительные успехи в реализации ЦУР по сравнению с другими странами, что связано с наличием у них экономических ресурсов и других возможностей [Soto 2024].

К их числу относится Новая Зеландия. Хотя эта страна принадлежит к числу малых стран [Алешин 2025: 57], ее политика сочетает экологические приоритеты, сохранение традиций маори и высокие экономические показатели, формируя модель «зеленого лидерства». Представление о Новой Зеландии как о стране с чистой природой, натуральной продукцией и высокой туристической привлекательностью прочно закрепилось в национальном самовосприятии [Dew 1999], повысив восприимчивость политической системы к экологической проблематике и способствуя включению зеленой повестки в число приоритетов государственного управления. Образ Новой Зеландии

[1] Наше общее будущее : доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / пер. с англ // ООН, 1987. URL: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 07.07.2026).

[2] УР — развитие, при котором потребности современных поколений удовлетворяются без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности.

[3] Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций : принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 07.07.2026).

[4] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. : декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/420355765 (дата обращения: 07.07.2026).

[5] Progress towards the Sustainable Development Goals: Special Edition 2023 / United Nations. URL: https://hlpf.un.org/sites/default/files/2023-04/SDG%20Progress%20Report%20Special%20Edition.pdf (accessed: 01.09.2025).

как «чистой и зеленой» (*clean and green*) получил политическое значение в 1980-е гг. и используется в качестве элемента позиционирования государства как на внутреннем, так и во внешнем контуре [Coyle, Fairweather 2005]. На национальном уровне проводится системная экологическая политика, ориентированная на международные стандарты, однако она была приоритетной еще до принятия ЦУР [Bührs et al. 1993].

Пример Новой Зеландии примечателен тем, что зеленые показатели сочетаются с ведением интенсивного сельского хозяйства и животноводства. Доля сельского хозяйства в экономике страны составляет лишь 4,6 % от ВВП по данным на 2022 г.[6], при этом 80 % доходов от внешней торговли приносит аграрный сектор[7]. Позитивную картину омрачает тот факт, что около 10–20 % населения страны находятся в состоянии продовольственной «неуверенности», которая характеризуется нерегулярным или ограниченным доступом к питательной еде (*nutritious food*)[8]. Это свидетельствует о достаточно несбалансированной картине в приоритетах развития страны. Хотя зеленая повестка является важным императивом политического курса страны, однако ее реализация демонстрирует расхождения между экологическими амбициями государства и социально-экономическими последствиями принимаемых решений.

Политика в зеркале компромисса: новозеландский «казус»

Традиционно в политической дискуссии Новой Зеландии значительное место занимают вопросы, связанные с поиском баланса между различными направлениями политики, интересами стейкхолдеров, выстраиванием диалога с коренным населением маори, включая меры по сокращению социального неравенства и вовлечением его в процессы принятия политических решений. Именно эти проблемы остаются одними из главных уязвимостей в реализации комплексной политики развития.

Принятие решений в политике всегда требует компромисса и согласования интересов. Категория компромисса закрепилась в политологии как инструмент политико-аналитического осмысления и исследовательской методологии. В этом контексте она позволяет рассматривать конкурирующие направления политики как равноценные, подлежащие объективной оценке на основе их относительных возможностей и преимуществ в достижении заранее заданных целей [Nilsson et al. 2019]. Компромисс в политике

[6] Agriculture, forestry, and fishing, value added (% of GDP) // World Bank Open Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.ZS?locations=NZ (accessed: 01.09.2025).

[7] New Zealand scraps clean, green policies to boost economy // Reuters. August 8, 2024. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/new-zealand-scraps-clean-green-policies-boost-economy-2024-08-04/ (accessed: 01.09.2025).

[8] Food Sovereignty and Equitable Food Systems [Report] // Center for Social Impact. April, 2023. URL: https://www.foundationnorth.org.nz/downloads/assets/1137/Food%20Sovereignty%20and%20Equitable%20Food%20Systems.pdf (accessed: 01.09.2025).

обычно понимается как ситуативное решение, связанное с уступками в объеме, качестве или целостности отдельных ценностей и интересов ради достижения выгоды или баланса в других сферах политического процесса [Jackson 2024: 1311]. Эта методологическая рамка преимущественно применяется для оценки соотношения экологических и экономических приоритетов, однако в данном исследовании к ним добавляется третье — социальное измерение.

В стране упор делается на экономическую эффективность и экспортную конкурентоспособность аграрного сектора, а также на обеспечение устойчивости для поддержания зеленого образа страны[9]. Социальное измерение становится предметом компромисса: сохранение занятости и развитие территорий противостоят издержкам экологических ограничений и экспортной ориентации. Подобные противоречия формируют поле конкуренции и согласования интересов между аграрными объединениями как *Federated Farmers, DairyNZ* и *Beef + Lamb New Zealand*, экологическими организациями, например, *Forest & Bird*, профсоюзами, коренным населением и правительством. В партийной системе интересы фермеров преимущественно поддерживают *National* и *ACT*, а экологическую и климатическую повестку — *Green Party of Aotearoa New Zealand* и лейбористы. Их взаимодействие сочетает неокорпоративистские механизмы и плюралистическую конкуренцию через парламент, консультации, протесты и общественное лоббирование.

Экологические приоритеты Новой Зеландии

Новая Зеландия выступает форпостом западных зеленых ценностей в Тихоокеанском регионе. Здесь зеленое направление осмысляется в качестве ресурса развития, а не как инструмент регулирования. Политическая поддержка такого курса строится на влиянии *Green Party of Aotearoa New Zealand*, лейбористов, институциональной роли *Ministry for the Environment* и *Climate Change Commission,* а также экологических ценностей населения.

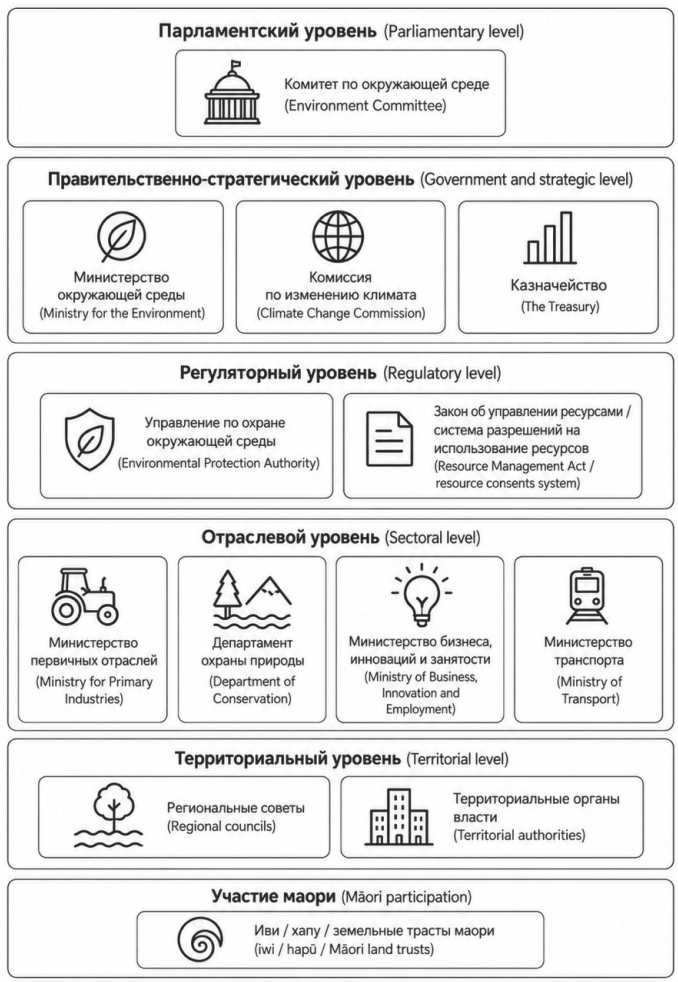
Среди девяти основных правительственных целей, преимущественно ориентированных на решение узких социальных вопросов, одна направлена на сокращение выбросов CO_2, что делает проблему изменения климата ключевым экологическим приоритетом государственной повестки[10].

Ответственным органом за формирование экологической политики является Министерство окружающей среды (рис.). Именно оно определяет экологические приоритеты страны, разрабатывает и внедряет национальные экологические стандарты, инициативы и др. В соответствии со своей компетенцией Министерство формирует долгосрочные стратегические ориентиры

[9] Fit for a Better World: Accelerating our Economic Potential // Wellington : Ministry for Primary Industries, 2020. URL: https://www.mpi.govt.nz/dmsdocument/41031-Fit-for-a-Better-World-Accelerating-our-economic-potential (accessed: 07.07.2026).

[10] Government Targets // Department of the Prime Minister and Cabinet : official website. URL: https://www.dpmc.govt.nz/our-programmes/government-targets (accessed: 08.07.2026).

экологической политики. Среди приоритетов на 2025–2029 гг. — улучшение системы управления природными ресурсами, укрепление устойчивости сообществ, бизнеса и территорий к изменениям климата и стихийным бедствиям, поддержка перехода к конкурентоспособной низкоуглеродной и ресурсоэффективной экономике, а также повышение качества и доступности научных данных и доказательной базы для всех, кто участвует в процессе принятия решений[11]. Выбор этих направлений демонстрирует переход Новой Зеландии к системному управлению через интеграцию экологических, экономических и управленческих целей в единый национальный курс.

Институциональные уровни экологической политики Новой Зеландии

Источник: составлено Т.И. Хайнацкой.

Institutional levels of New Zeland's Green Policy

Source: compiled by T.I. Khaynatskaya.

[11] Ministry for the Environment. Strategic Intentions 2025–2029 // Government of New Zealand. 2025. URL: https://environment.govt.nz/assets/publications/strategic-intentions-2025-29-web.pdf (accessed: 05.11.2025).

Несмотря на то, что страна ориентируется на метрики ЦУР при оценке результатов своей политики, страна использует и иные индикаторы развития, например мониторинг структуры жизненных стандартов (*Living Standards Framework*)[12], измеряющий благополучие населения наряду с ВВП и отслеживающий обеспечение баланса между экономическими, социальными и экологическими приоритетами. В его основе лежит концепт благополучия (*wellbeing*), который рассматривается как ключевая цель государственного развития [Семененко et al. 2022]. Развивая это направление, Новая Зеландия активно участвует в работе Альянса за экономику благополучия[13], объединяющего государства (Шотландия, Финляндия, Исландия, Уэльс, Новая Зеландия и Канада), стремящихся выстроить экономическую политику на зеленых принципах и принципах высокого качества жизни.

Наряду с концепцией устойчивого развития для достижения общественного благополучия рассматривается и концепт «пончиковой» экономики (*Doughnut Economics*) [Raworth 2017]. Основная идея — экономика должна функционировать в пределах «пончика» в своеобразных допустимых границах, обеспечивающих баланс между социальным основанием (условиями достойной жизни) и экологическим потолком (пределами природных ресурсов). Официально модель «пончика» не закреплена в нормативных документах Новой Зеландии, но фактически ее принципы реализуются через национальную систему оценки благополучия[14], отмеченной выше, УР, встроенную в политику и бюджетное планирование.

В стране формируется интегрированная система управления развитием, основанная на зеленых императивах, где общее политическое руководство осуществляет Кабинет министров, а полномочия распределяются между центральными ведомствами, независимыми регулирующими органами и местными советами. При этом Министерство окружающей среды определяет стратегические направления, устанавливает стандарты и формирует приоритеты экологической политики, а реализация практических мер осуществляется другими ведомствами, прежде всего Министерством первичных отраслей промышленности, в сферу ответственности которого входят сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство.

Аграрный сектор в системе трех измерений развития

Сегодня ведение сельскохозяйственной деятельности невозможно без учета экологических факторов и практик регулирования, в особенности без связки с климатической политикой и политикой по сохранению

[12] Our Living Standards Framework // The Treasury New Zealand. URL: https://www.treasury.govt.nz/information-and-services/nz-economy/higher-living-standards/our-living-standards-framework (accessed: 07.07.2026).

[13] Wellbeing Economy Governments partnership (WEGo) // Wellbeing Economy Alliance. URL: https://weall.org/wego/ (accessed: 07.07.2026).

[14] Wellbeing Report seminar series: Doughnut Economics in action: Perspectives for Aotearoa // The Treasury New Zealand. URL: https://www.treasury.govt.nz/news-and-events/our-events/wellbeing-report-seminar-series-doughnut-economics-action-perspectives-aotearoa (accessed: 07.07.2026).

биоразнообразия [Ortiz 2021]. Традиционно сельскохозяйственное направление политики Новой Зеландии отличалось радикальной либерализацией [MacLeod 2006]. Выбор в пользу свободного рынка позволил повысить конкурентоспособность сельскохозяйственной отрасли и ориентировать ее на экспорт [Scrimgeour et al. 2006]. Однако теперь прибыль в большей степени зависит от внешних факторов, а ориентация на экспорт обострила экологические проблемы из-за интенсификации производства [Ge et al. 2025]. Ввиду этого на государственном уровне были приняты меры по нивелированию экологического ущерба и запущены целевые программы. Например, инициатива «Наша земля и вода»[15] была направлена на сохранение качества почв и водных ресурсов, развитие экспорта продукции с более высокой добавленной стоимостью при использовании зеленых методов землепользования, внедрение технологий.

Политическая дискуссия сосредоточена на поиске баланса между экономической эффективностью и сохранением экосистем в аграрной политике. Инициативные группы фермеров также продвигают собственные практики и предлагают новые принципы управления, сочетая производственные цели с экологической ответственностью, например, регенеративное сельское хозяйство, в рамках которого сельскохозяйственная деятельность направлена на восстановление природной среды, производство «питательной» продукции и обеспечение достойного уровня жизни фермеров [Grelet, Lang, 2021; Norton, Reid, Young 2013]. Для фермерских сетей (например, *Quorum Sense NZ, Farmer's Footprint New Zealand*) регенеративные практики означают большую автономию производителей и возможность пересмотра существующей модели землепользования.

В малых и удаленных районах аграрное производство обеспечивает жизнеспособность местных сообществ, поддерживает социальную инфраструктуру и способствует стабильному развитию экономики регионов, а политические лидеры стремятся получить их голоса[16]. Однако новые экологические требования ставят фермеров, особенно малые хозяйства, в менее выгодное положение. Приоритет государства в пользу экологической повестки оттесняет их интересы на периферию и ослабляет их позиции в процессе принятия политических решений[17].

Крупный бизнес, включая *Fonterra*, стремится встроить зеленую повестку в корпоративные стандарты, систему сертификации, брендинг и экспортную стратегию, превращая экологические требования в инструмент

[15] Our Land and Water National Science Challenge Strategy 2019–2024 // Our Land and Water National Science Challenge, 2019. URL: https://ourlandandwater.nz/wp-content/uploads/2019/02/OLWStrategy2019-2024.pdf (accessed: 07.07.2026).

[16] New Zealand's Plans for Agricultural Emissions Pricing. OECD.

[17] Campbell H. The battle for NZ's farming heartland: Groundswell, ACT and the changing face of rural politics // The Conversation. URL: https://theconversation.com/the-battle-for-nzs-farming-heartland-groundswell-act-and-the-changing-face-of-rural-politics-213979 (accessed: 06.07.2026).

укрепления рыночных позиций. В результате политический конфликт разворачивается вокруг контроля над содержанием «зеленого перехода» — будут ли его параметры определяться самими производителями, населением или государством.

Социальное измерение проявляется в политической борьбе за распределение ее издержек и преимуществ между крупным агробизнесом, малыми хозяйствами и сельскими сообществами. Неравенство ресурсов и возможностей влияния приводит к тому, что одни акторы участвуют в формировании правил перехода и извлекают из него рыночные выгоды, тогда как другие сталкиваются с ростом затрат, рисками сокращения занятости и ослаблением благополучия территорий. Принятый в 2022 г. первый национальный план по сокращению выбросов CO_2[18] предусматривает систему ценообразования на выбросы в сельскохозяйственном секторе, что вызывает опасения у фермеров из-за роста затрат и снижение конкурентоспособности. Реализация климатических мер в этой отрасли осложняется тем, что фермеры уже работают в условиях высоких стандартов и ограничений[19]. Для продвижения новых мер необходимы технологии и инвестиции, доступные только ограниченному кругу производителей, преимущественно из числа крупных компаний, что ведет к концентрации производства в руках крупных агрохолдингов и социальному расслоению в сельских районах [Scrimgeour et al. 2006].

Экспортная ориентация аграрного сектора, экологические ограничения и социальные проблемы сельских территорий создают политическую дилемму: как совместить конкурентоспособность и привлекательность сельского хозяйства, сохранение окружающей среды и справедливое развитие территорий.

Социальные конфликты при реализации экологических мер

Введение новых экологических ограничений вызвало сопротивление части фермерских сообществ. Наиболее резонансной стала инициатива лейбористского правительства по введению платы за выбросы CO_2, производимые скотоводческими хозяйствами, представленная бывшим премьер-министром Дж. Ардерн[20]. Власти преподнесли эту меру как способ укрепить «зеленое» лидерство Новой Зеландии, однако объединения фермеров *Federated Farmers* и *Groundswell NZ* расценили ее как угрозу рентабельности хозяйств

[18] Aotearoa New Zealand's First Emissions Reduction Plan // New Zealand Government. May, 2022. URL: https://environment.govt.nz/assets/publications/Aotearoa-New-Zealands-first-emissions-reduction-plan.pdf (accessed: 03.10.2025).

[19] New Zealand's Plans for Agricultural Emissions Pricing. OECD.

[20] Pragmatic proposal to reduce agricultural emissions and enhance exports and economy // New Zealand Government : official website. October, 2022. URL: https://www.beehive.govt.nz/release/pragmatic-proposal-reduce-agricultural-emissions-and-enhance-exports-and-economy (accessed: 07.07.2026).

и сельским территориям. В 2022 г. инициатива вызвала фермерские протесты, а после смены правительства в 2023 г. была свернута в пользу более мягкого курса, ориентированного на технологии и добровольное сокращение выбросов[21].

Такая реакция показала недоверие части аграриев к государственной зеленой политике, воспринимаемой как навязанная «сверху» под влиянием международных климатических обязательств и экспортной репутации страны. Хотя эту критику активнее поддерживают правоцентристские силы (*National* и *ACT*), ее социальная база шире и связана с ощущением недостаточного учета интересов представителей сельских территорий. Противоречия между экологическими целями, с одной стороны, и интересами фермеров, агрохолдингов, малых хозяйств и маори-фермеров — с другой, отражают глубинный конфликт целеполагания.

В экологической политике Новой Зеландии используется маорийский подход бережного отношения к земле, основанный на принципе *kaitiakitanga*, понимаемом как охрана и ответственное управление природной средой. Однако аграрная сфера во многом остается ориентированной на экспортную эффективность, экологическое позиционирование и технологическую модернизацию сектора, а не изменение управленческих практик[22]. Это ограничивает участие маори в «зеленом переходе». Например, значительная часть маорийских земель имеет статус *Māori freehold land* и регулируется *Te Ture Whenua Māori Act* 1993[23], что осложняет продажу, консолидацию участков и использование земли как залога для получения кредитования. Поэтому даже при наличии специальных инструментов поддержки, таких как *Māori Agribusiness Extension Programme*, маорийские хозяйства сталкиваются с более сложными условиями доступа к финансированию и программам модернизации.

Будущее аграрного сектора страны во многом зависит от способности политического руководства страны выработать сбалансированный подход, сочетающий реализацию экологических целей с обеспечением социальной справедливости, при котором будут учтены интересы различных групп интересов, вовлеченных в реализацию сельскохозяйственной политики и экологических приоритетов.

[21] New Zealand farmers to face livestock emissions charges under new scheme // Al Jazeera. October 11, 2022. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/10/11/new-zealand-farmers-to-face-livestock-emissions-charges-under-new (accessed: 01.09.2025).

[22] Māori Access to Capital: Market Failures // Reserve Bank of New Zealand Bulletin. May 14, 2025. URL: https://www.rbnz.govt.nz/-/media/project/sites/rbnz/files/publications/bulletins/2025/maori-access-to-capital_market-failures-bulletin-article.pdf (accessed: 05.10.2025).

[23] Te Ture Whenua Māori Act 1993 = Māori Land Act 1993 // New Zealand Legislation : official website. 1993. URL: https://www.legislation.govt.nz/act/public/1993/0004/latest/DLM289882.html (accessed: 09.07.2026).

«Мы все в одной лодке»

Одним из наиболее показательных примеров является инициатива «Мы все в одной лодке» (*He Waka Eke Noa)*, представляющая собой государственно-частное партнерство, созданное в 2019 г. для разработки системы учета и сокращения выбросов парниковых газов в сельском хозяйстве. В проект вошли более 11 ключевых отраслевых животноводческих ассоциаций и организаций (*Federated Farmers, Beef + Lamb New Zealand*, *DairyNZ* и др.), а также правительство и научные институты. Цель проекта заключалась в создании к 2025 г. системы учета выбросов парниковых газов для фермерских хозяйств и поддержке разработки планов по их сокращению. Однако инициатива показала ограниченность такой модели регулирования: попытка согласовать экологические цели с интересами аграрного сектора столкнулась с сопротивлением фермеров и была свернута в пользу более мягких мер.

При реализации программы возник ряд противоречий. С одной стороны, правительство рассматривало инициативу как инструмент балансировки между международными обязательствами Новой Зеландии по Парижскому соглашению и интересами фермеров. С другой стороны, значительная часть фермерских ассоциаций сочла требования чрезмерными и угрожающими конкурентоспособности отрасли. В итоге программа стала предметом острого политического противостояния между правительством, аграриями и экологистами: первые видели в ней компромиссный шаг, вторые — угрозу своей жизнеспособности, а третьи — слишком мягкий инструмент, недостаточный для реального сокращения выбросов.

Отношение аграрного сектора к зеленой политике неоднозначно: для малых и средних производителей экологические требования означают рост издержек и бюрократической нагрузки, в то время как крупные компании имеют больше ресурсов для адаптации и влияния на политические решения.

Возникающие конфликты отражают более широкую дилемму политического управления: как обеспечить экологическую устойчивость, закрепленную в ЦУР, и достичь экологического лидерства, не разрушая социально-экономическую базу сельских территорий и не теряя конкурентоспособности на мировом рынке. Тем не менее экологические приоритеты — не единственный фактор, подрывающий сельскохозяйственный сектор, но они становятся дополнительным вызовом и причиной социальных разрывов.

Инструменты и механизмы балансирования интересов

Несмотря на небольшие субсидии в аграрной политике Новой Зеландии, в последние годы наблюдается сдвиг к адресной поддержке. Правительство уже внедряет системы компенсаций и льгот для тех хозяйств, которые переходят на более экологичные практики. Например, в рамках программы *Essential Freshwater* фермерам предоставляются гранты на их деятельность. Кроме того, ведутся обсуждения о создании системы «углеродных» кредитов: хозяйства, высаживающие лесополосы, смогут продавать эти кредиты в рамках национальной схемы торговли выбросами. Государство стремится смягчить

экономический удар по малым фермерским хозяйствам, которым сложнее выдерживать ужесточение экологических норм.

Развитие НИОКР и внедрение низкоуглеродных технологий является также приоритетом. Например, современные испытания новых компонентов в кормовых добавок показали сокращение выбросов метана у скота до 80 %, и некоторые фермы уже участвуют в пилотных проектах совместно с *Fonterra*. В растениеводстве активно внедряются системы точного внесения удобрений и датчики влажности почвы, позволяющие экономить до 20–30 % азота и воды. В ряде регионов аграрии тестируют возможности совмещения смешанных посевов трав и бобовых культур, снижающие зависимость от минеральных удобрений. Эти технологические решения уменьшают нагрузку на экосистемы и повышают продуктивность хозяйств.

Среди мер поддержки — создание фондов для финансирования зеленых инициатив. Так, в 2021 г. был учрежден фонд *Sustainable Food and Fibre Futures*, из которого выделяются средства на совместные проекты фермеров, научных институтов и частных компаний. Это позволяет частично компенсировать риски малых хозяйств и вовлекать их в долгосрочные инновационные программы.

Внимание также уделяется маори-фермерам: ряд проектов (например, *Whenua Kura*) обучают маори-молодежь принципам устойчивого землепользования, совмещая традиционные знания с современными технологическими подходами и практиками. Это способствует сохранению культурных особенностей подходов к фермерству у коренных народов и смягчению социальных издержек, сохранению конкурентоспособности и обеспечению постепенного переход к зеленым практикам.

Заключение

Очевидно, что достижение равновесия между тремя измерениями УР остается не столько стратегической задачей, сколько труднодостижимым идеалом политического баланса. Ориентация на экологические и экономические вопросы не позволяет Новой Зеландии достичь комплексных целей развития. Опыт страны подтверждает, что сам баланс остается динамичным: приоритеты постоянно смещаются в зависимости от внешнеполитических, экономических и экологических вызовов, а также от общественных ожиданий, амбиций политических лидеров и давления ключевых стейкхолдеров. В периоды кризисов политическая система неизбежно «перенастраивается» в пользу тех направлений, которые требуют немедленного реагирования, но с запозданием, что снижает эффективность мер. В итоге политика развития принимает адаптивный характер, где идеал равновесия уступает место компромиссным решениям, направленным на краткосрочную и среднесрочную перспективу.

Экологическая повестка занимает важное место в системе политических приоритетов страны, формируя имидж как «чистой и зеленой» с заявкой на становление в качестве одного из мировых лидеров в области экологической политики. Хотя государственные меры направлены на экологизацию экономики и социальной политики, на практике зеленая повестка все чаще служит

инструментом политического позиционирования и привлечения инвестиций для достижения экономического роста.

Наиболее остро эти противоречия проявляются в сельскохозяйственной политике. Ужесточение зеленых стандартов повышает издержки производителей и обостряет конфликт между государством, аграрным бизнесом, фермерскими объединениями и сельскими сообществами. При этом крупные отраслевые игроки располагают большими ресурсами влияния на формирование правил, тогда как малые хозяйства, маори и жители удаленных районов чаще несут основные социально-экономические издержки экологической трансформации. В результате УР становится не только моделью балансирования трех измерений, но и предметом политической борьбы за распределение выгод, ответственности и доступа к принятию решений.

Общественное развитие — это процесс постоянной динамики и коррекции. Парадокс Новой Зеландии заключается в том, что, добившись успехов в климатической политике и институциональных инновациях, страна сохраняет структурные дисбалансы между экологией, экономикой и социальной сферой, подтверждая, что идеал «устойчивости» остается скорее нормативной утопией, чем реализуемой моделью развития.

Поступила в редакцию / Received: 20.01.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 11.04.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.05.2026

Библиографический список

Алешин А.А. Внешняя политика Новой Зеландии: малая страна в эпоху глобальной конкуренции // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 2. С. 54–71. https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-54-71 EDN: BBUZID

Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 76–99. https://doi.org/10.31857/S0869049922050045 EDN: EZXYEY

Aghion P., Antonin C., Bunel S. The power of creative destruction: Economic upheaval and the wealth of nations. Harvard University Press, 2021.

Bührs T., Bartlett R.V. Environmental policy in New Zealand: The politics of clean & green? Auckland : Oxford University Press, 1993.

Coyle F., Fairweather J. Challenging a place myth: New Zealand's clean green image meets the biotechnology revolution // Area. 2005. Vol. 37. No. 2. P. 148–158. https://doi.org/10.1111/j.1475-4762.2005.00617.x

Dew K. National identity and controversy: New Zealand's clean green image and pentachlorophenol // Health & Place. 1999. Vol. 5. No. 1. P. 45–57.

Ge H., Zhou L., Mu R. An overview of New Zealand's economic and environmental sustainability in agriculture: 40 years without subsidies // Sustainability. 2025. Vol. 17. No. 1. P. 123–145. https://doi.org/10.3390/su17010123

Grelet G., *Lang S.* 'Think piece' on Regenerative Agriculture in Aotearoa New Zealand: project overview and statement of purpose: Contract Report LC3954 for Our Land and Water National Science Challenge & The NEXT Foundation. Lincoln : Manaaki Whenua — Landcare Research, 2021.

Gupta G.S. The paradox of sustainable development: A critical overview of the term and the institutionalization process // Periodica Polytechnica Social and Management Sciences. 2017. Vol. 25. No. 1. P. 1–7. https://doi.org/10.3311/PPso.8919

Hunjra A.I. et al. Economic growth and environmental sustainability in developing economies // Research in International Business and Finance. 2024. Vol. 70. Article no. 102341. https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2024.102341

Jackson J. Trading-off or trading-in? A critical political economy perspective of green growth's policy framing // Globalizations. 2024. Vol. 21. No. 7. P. 1309–1329. https://doi.org/10.1080/14747731.2024.2348259

Lee W.G. Agricultural intensification: whither indigenous biodiversity? // New Zealand Journal of Ecology. 2008. Vol. 32. No. 1. P. 109–113. https://doi.org/10.1080/00288230809510475

*MacLeod C.*J. Intensification and diversification of New Zealand agriculture since 1960: An evaluation of current indicators of land use change // Agriculture, Ecosystems & Environment. 2006. Vol. 115. No. 1–4. P. 201–218. https://doi.org/10.1016/j.agee.2006.01.003

Nilsson M., Weitz N. Governing trade-offs and building coherence in policy-making for the 2030 agenda // Politics and Governance. 2019. Vol. 7. P. 245. https://doi.org/10.17645/pag.v7i4.2229

Norton D.A., Reid N., Young L. Ultimate drivers of native biodiversity change in agricultural systems // F1000Research. 2013. Vol. 2. P. 1–15. https://doi.org/10.12688/f1000research.2-214.v1

Norton D.A., Walker S.A., Reid J.R. Native biodiversity and regenerative agriculture in New Zealand. Lincoln : Our Land and Water National Science Challenge. 2021.

Ortiz A.M.D. et al. A review of the interactions between biodiversity, agriculture, climate change, and international trade: research and policy priorities // One Earth. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 88–101. https://doi.org/10.1016/j.oneear.2020.12.008

Raworth K. Why it's time for Doughnut Economics // IPPR Progressive Review. 2017. Vol. 24. P. 216–222. https://doi.org/10.1111/newe.12058

Scrimgeour F. et al. New Zealand agribusiness success: an approach to exploring the role of strategy, structure and conduct on firm performance // Research Report, Massey University. Palmerston North, 2006. 48 p.

Soto G.H. Falling behind: Evaluating projected sustainable development goals Progress across varied income countries // Sustainable Development. 2024. Vol. 32. No. 3. P. 2194–2207. https://doi.org/10.1002/sd.2776

References

Aghion, P., Antonin, C., & Bunel, S. (2021). The power of creative destruction: Economic upheaval and the wealth of nations. Harvard University Press.

Aleshin, A.A. (2025). New Zealand foreign policy: A small state in the era of global competition. *Analysis and Forecast. IMEMO Journal*, (2), 54–71. https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-54-71

Bührs, T., & Bartlett, R.V. (1993). *Environmental policy in New Zealand: The politics of clean & green?* Auckland: Oxford University Press.

Coyle, F., & Fairweather, J. (2005). Challenging a place myth: New Zealand's clean green image meets the biotechnology revolution. *Area*, *37*(2), 148–158. https://doi.org/10.1111/j.1475-4762.2005.00617.x

Dew, K. (1999). National identity and controversy: New Zealand's clean green image and pentachlorophenol. *Health & Place, 5*(1), 45–57.

Ge, H., Zhou, L., & Mu, R. (2025). An overview of New Zealand's economic and environmental sustainability in agriculture: 40 years without subsidies. *Sustainability, 17*(1), 123–145. https://doi.org/10.3390/su17010123

Grelet, G., & Lang, S. (2021). *'Think piece' on Regenerative Agriculture in Aotearoa New Zealand: Project overview and statement of purpose* (Contract Report LC3954 for Our Land and Water National Science Challenge & The, NEXT Foundation). Lincoln: Manaaki Whenua — Landcare Research.

Gupta, G.S. (2017). The paradox of sustainable development: A critical overview of the term and the institutionalization process. *Periodica Polytechnica Social and Management Sciences, 25*(1), 1–7. https://doi.org/10.3311/PPso.8919

Hunjra, A.I., et al. (2024). Economic growth and environmental sustainability in developing economies. *Research in International Business and Finance, 70*, 102341. https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2024.102341

Jackson, J. (2024). Trading-off or trading-in? A critical political economy perspective of green growth's policy framing. *Globalizations, 21*(7), 1309–1329. https://doi.org/10.1080/14747731.2024.2348259

MacLeod, C.J., & Moller, H. (2006). Intensification and diversification of New Zealand agriculture since 1960: An evaluation of current indicators of land use change. *Agriculture, Ecosystems & Environment, 115*(1–4), 201–218. https://doi.org/10.1016/j.agee.2006.01.003

Norton, D.A., Reid, N., & Young, L. (2013). Ultimate drivers of native biodiversity change in agricultural systems. *F1000Research, 2*, 214. https://doi.org/10.12688/f1000research.2-214.v1

Norton, D.A., Walker, S.A., & Reid, J.R. (2021). *Native biodiversity and regenerative agriculture in New Zealand.* Lincoln: Our Land and Water National Science Challenge.

Nilsson, M., & Weitz, N. (2019). Governing trade-offs and building coherence in policy-making for the 2030 Agenda. *Politics and Governance, 7*(4), 245. https://doi.org/10.17645/pag.v7i4.2229

Ortiz, A.M. D., et al. (2021). A review of the interactions between biodiversity, agriculture, climate change, and international trade: Research and policy priorities. *One Earth, 4*(1), 88–101. https://doi.org/10.1016/j.oneear.2020.12.008

Raworth, K. (2017). Why it's time for doughnut economics. *IPPR Progressive Review, 24,* 216–222. https://doi.org/10.1111/newe.12058

Scrimgeour, F., McDermott, P., Saunders, C., Shadbolt, N., & Sheath, G. (2006). *New Zealand agribusiness success: An approach to exploring the role of strategy, structure and conduct on firm performance* (Research Report). Palmerston North: Massey University.

Semenenko, I.S., & Khaynatskaya, T.I. (2022). Well-Being Discourses in an Environment of "Unsustainable Development": Bridging the Past and the Future. *Social Sciences and Contemporary World*, (5), 76–99. https://doi.org/10.31857/S0869049922050045

Soto, G.H. (2024). Falling behind: Evaluating projected sustainable development goals progress across varied income countries. *Sustainable Development, 32*(3), 2194–2207.

Сведения об авторе:

Хайнацкая Татьяна Игоревна — кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: tatianakh@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-6364-4765, SPIN-код: 4570-8647, AuthorID: 1108737, Scopus ID: 57223854604, WOS ID: KJL-9561-2024).

About the author:

Tatiana I. Khaynatskaya — Cand. of Science (Politics), Research Fellow, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (e-mail: tatianakh@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-6364-4765, SPIN-code: 4570-8647, AuthorID: 1108737, Scopus ID: 57223854604, WOS ID: KJL-9561-2024).